

Русистика и современность

Старые вопросы, новые ответы

под редакцией

Иоланты Любохи-Круглик

Оксаны Малысы

Габриелы Вильк

Анны Зых

Katowice 2017

Recenzenci
dr hab. prof. UP AURELIA KOTKIEWICZ
(literaturoznawstwo i translatoryka)
dr hab. prof. UKW HALINA BARTWICKA
(językoznawstwo i lingwodydaktyka)
dr hab. KATARZYNA DEMBSKA
(językoznawstwo i lingwodydaktyka)

Projekt okładki i stron tytułowych
MAREK J. PIWKO

Na okładce wykorzystano fragment obrazu
Dawida Burluka
Пейзаж с повозкой и мельницей (Пейзаж с четырех точек зрения)

© Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2017

ISBN 978-83-7164-973-8

Монография издана при финансовой поддержке
фонда „Русский мир” — грант № 1780Гр/II-332-17

Publikacja dofinansowana przez
UNIwersytet Śląski w Katowicach

Publikacja dofinansowana przez
STOWARZYSZENIE WSPÓŁPRACY POLSKA-WSCHÓD

„Śląsk” Sp. z o.o. Wydawnictwo Naukowe
ul. Juliusza Ligonia 7, 40-036 Katowice
tel. (032) 258-07-56, fax 258-32-29,
e-mail: biuro@slaskwn.com.pl
<http://www.slaskwn.com.pl>

Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych
40-032 Katowice
pl. Sejmu Śląskiego 1/419
www.opcje.net.pl
stowarzyszenieiw@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов / 13

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЦЕССОВ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВ, ТАТЬЯНА ШВЕЦОВА

Русская литература XIX века в аспекте теории кризиса / 15

ЕЛЕНА АСТАЩЕНКО

Рецепция Льва Толстого и Фёдора Достоевского польским модернизмом: проза Станислава Пшибышевского / 27

СИМОНА КОРЫЧАНКОВА

Лексико-семантическая вариативность поэтического пространства смыслового комплекса Всеединство (на примере стихотворений Владимира Соловьёва) / 43

ОКСАНА ХРИПУНКОВА

Аксиологический аспект творчества Дмитрия Мережковского / 59

ВАХЬЮ ВИДЖАЯ, ИРИНА МИНЕРАЛОВА

Русско-японская война глазами очевидцев (Викентий Вересаев, Леопольд Сулержицкий, Алексей Новиков-Прибой) / 73

УРШУЛА ТРОЯНОВСКА

«Действительность расширенных значений». Роман Мариам Петросян *Дом, в котором...* как пример магического реализма / 87

ТЕРЕСА РОНЧКА-ЕЗЁРСКА

Характеристика жителей русской Риги 20–40 гг. XX века
с точки зрения национальной специфики их языка
на примере романа Ирины Сабуровой / 101

ИРИНА БАРЫШНИКОВА

Лирический герой в современной русской христианской поэзии
(на примере произведений иеромонаха Романа (Матюшина)
и Нины Каргашёвой) / 119

МАГДАЛЕНА ВОЙЦЕХОВСКА

Сахарный Кремль Владимира Сорокина
в контексте традиции жанра антиутопии / 133

ЕВГЕНИЯ КРАВЧЕНКОВА

Рассказ Дмитрия Бакина *Страна происхождения*:
борьба с неизбежностью / 147

ПЕРЕВОД

КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННА БЕДНАРЧИК

Фильм и «романс» — попытка перевода / 163

МАРИЯ НЕНАРОКОВА

Плавание Адама Мицкевича:
традиция перевода и личность переводчика / 179

ДОРОТА ГЛУШАК

Безэквивалентные наименования в текстах «Вестей-Курантов»
первого семидесятилетия XVII в. / 195

ГАЛИНА ГВОЗДОВИЧ

Лексема/термин ВИД в русском и белорусском языках:
семантическая сочетаемость и перевод / 213

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ПЁТР ЧЕРВИНСКИЙ

Актуальная лексика в контексте аналитических представлений развития языка (конец XX — начало XXI века) / 231

ЗДЕНКА НЕДОМОВА

Сопоставительное изучение лингвистической терминологии в Остравском университете / 249

ВИКТОРИЯ ВАЙДО

Лингвистическая терминология в словарях / 261

МАЧЕЙ ЛАБОХА

«Юзабилити» больших русско-польских словарей на материале парадигматической характеристики глагольных лексем / 271

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Юридический и социолингвистический статус русского языка на постсоветском пространстве / 285

ГУСТАВ МИХАЛ АКАРТЕЛЬ

К вопросу о концептуально-семантических моделях новых значений (на материале русских и польских социолектов) / 303

СЕРГЕЙ ХВАТОВ

Русский язык делового общения в условиях глобальной маркетинговой / 317

ЕЛЕНА КОРЯКОВЦЕВА

Глобализация и словообразовательные инновационные процессы / 329

ИРИНА ВОТЯКОВА, ЛИЛИЯ КИЛИНА

Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта «страх» в русском языке / 341

ЭММА АРХАНГЕЛЬСКАЯ, РОЗАННА КУРПНИЕЦЕ

Неисповедимы пути языковой аналогии / 355

МАЛГОЖАТА БОРЕК

Языковая картина доверия в русском и польском языках / 365

ЭВА СТРАСЬ

Языковая экспликация концептов «кафе» и «kawiarnia»:
сопоставительный аспект / 379

РУССКИЙ ТЕКСТ

В КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

АННА ЗЫХ, ЭВА КАПЕЛА

Интертекстуальность в парламентских дебатах
(на материале стенограмм заседаний польского Сейма
и российской Государственной Думы) / 395

ОЛЕСЯ ШАРАФУТДИНОВА

Репрезентация фрагмента действительности в медийном
политическом тексте: анализ лексических единиц / 415

АДАМ ЯСКУЛЬСКИ

Образ Запада в провластных российских СМИ в свете кризиса
на Украине (на примере интернет-журнала «Однако») / 427

ХЕНРИК ФОНТАНЬСКИ

Композиционные аспекты образов памяти в русском
художественном тексте / 445

ЗОЯ НОВОЖЕНОВА

Коммуникативно-функциональные свойства
новых русских эзотерических текстов / 457

ТАТЬЯНА КАНАНОВИЧ

Критерии выделения моделей предложения
(на материале научных текстов) / 475

СВЕТЛАНА БИЧАК

Ситуативный комизм в произведениях Михаила Жванецкого / 491

АНЕТА БАНАШЕК-ШАПОВАЛОВА

Конфликтотенный заряд вербального межсоседского
взаимодействия (на материале корреспонденций) / 507

ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА

Опущенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Фёдора Достоевского и Леонида Андреева) / 521

БОЖЕНА БОЛЕСТА-ВРОНА

Лексические особенности русскоязычной рекламы часов / 531

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИКА

ЭВА ДЗВЕЖИНЬСКА

Место подкастов в формировании аудитивных умений / 545

ЯСМИНА СМЕХ

Русские мультипликационные фильмы на уроках РКИ / 557

ТАМАРА БЛУМ, ВЕРОНИКА ВАЙССЕНХОФЕР, ЕЛЕНА МАЛЕЕВА

Специфика использования игровых приемов на занятиях по русскому языку как иностранному / 571

ГОРДАНА НАУМОВИЧ

Использование видеоматериалов на уроках РКИ в Сербии / 587

ИЗАБЕЛА НОВАК

Представление культурно-ориентированной лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному / 593

СЕРГЕЙ ХРОМОВ

E-learning как инструмент совместной когнитивной деятельности преподавателя и студентов при обучении русскому языку как иностранному / 611

МАРИЯ КОССАКОВСКА-МАРАС

Система обучения e-learning РКИ в Жешувском университете — особенности, трудности, возможности / 619

АЛЕКСАНДРА КЛИМКЕВИЧ

Традиционное и дистанционное обучение РКИ. Опыт проведения занятий со студентами II курса востоковедения / 635

МАЛГОЖАТА ДЗЕДЗИЦ

Фасилитация в обучении иностранному языку
(на примере работы со студентами-русистами) / 653

АННА ЖУРАВЛЁВА

Развитие современного «белорусского» русского языка
в условиях двуязычия / 665

АНАСТАСИЯ СОКОЛОВА

Интерактивные технологии в процессе обучения РКИ
чешских студентов с нарушениями слуха / 677

АННА ЛЕНТОВСКАЯ

Иллюстрация исследований акциональности
русских глаголов в практике преподавания РКИ / 689

ЯДВИГА БЕРЕЗОВСКАЯ

Сопоставительный аспект суперсегментных средств
в русском и китайском языках при обучении РКИ / 699

Ирина Вотякова, Лилия Килина
Удмуртский государственный университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в научной традиции не существует однозначного определения словообразовательного гнезда (далее СГ). По мнению исследователей, одним из важных принципов его организации является принадлежность производных к одному корню. Не случайно СГ часто трактуется как

особая комплексная динамическая единица словообразования, объединяющая лексемы с общим историческим корнем, который носителями живого языка зачастую не воспринимается в качестве самостоятельной корневой морфемы вследствие утраты между этимологически родственными словами живых семантических и словообразовательных связей¹.

Александр Н. Тихонов указывал на

упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующуюся общностью корня, которая проявляется не только в плане выражения, но и в плане содержания: корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения, то есть слова, объединяющиеся в СГ, имеют и смысловую, и материальную общность².

¹ Н.С. Григорьева, *Словообразовательное и семантическое развитие корня *vǝr- в истории русского языка*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Самара 2013, с. 7.

² А.Н. Тихонов, *Словообразовательный словарь русского языка*, Москва 1985, с. 42.

Об упорядоченном и комплексном характере писали также Эмилия А. Балалыкина и Геннадий А. Николаев. Они отмечают, что СГ представляет собой наиболее широкое объединение производных образований в языке, «включающее словообразовательную парадигму и словообразовательную цепь, которые системно упорядочивают эти гнезда»³. При этом иерархичность СГ проявляется в том, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей.

В структуре СГ с течением времени происходят различные изменения, обусловленные влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Изучение формирования СГ концепта *страх* предполагает анализ состава этого гнезда в разные периоды развития русского языка. Синхронный подход к СГ позволяет построить статическую модель его структуры, выявить ее основные синтагматические и парадигматические особенности, определить словообразовательные модели и типы. Диахронический же подход позволяет описать процессы изменения как в деривационной структуре СГ, так и в семантических особенностях его компонентов, найти причины этих процессов и объяснить синхронное состояние данных единиц⁴. Однако характер подхода не играет такой роли, когда мы рассматриваем СГ в семантическом аспекте, имеющем важное значение при исследовании закономерностей сочетаний смыслов, которые выражаются отдельными элементами слова, а также во внутреннем и внешнем механизме взаимодействия словообразовательных единиц.

Словообразование как система создает необходимые условия для «концептуальной интерпретации дей-

³ Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаев, *Русское словообразование*, Казань 1985, с. 147.

⁴ А.Ю. Барабанов, *Словообразовательные гнезда с корнями -куд-/-чуд-, кор- /-чар- в истории русского языка: эволюция, концептуальный анализ*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Орел 2011, с. 15.

ствительности, что позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием...»⁵.

Словообразовательный процесс не имеет хаотичного характера, поскольку отражает наиболее значимые для человека явления действительности:

Словообразование дает нам в определенной степени ответ на вопрос: какие понятия стали культурно значимыми, заняли особое, приоритетное положение в национальном самосознании»⁶.

Элементы СГ являются носителями определенного знания, порождаемого при образовании новых слов. Эти процессы в силу комплексности и упорядоченности связей носят закономерный характер, участвуя в оязыковлении меняющейся картины мира. Производные слова наиболее информативны для изучения языковой картины мира, так как

позволяют увидеть (в отличие от простой и непроемкой лексики), как была воспринята определенная реалья в мире «как он есть» — через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и затем поименованы⁷.

В связи с этим границы СГ остаются подвижны, состав его пополняется новыми словами. За сравнительно короткий промежуток времени в него могут войти десятки

⁵ Т.И. Вендина, *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрочосм)*, Москва 1998, с. 9.

⁶ А.М. Кыртепе, *Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта (на материале словообразовательных гнезд и словообразовательной категории со значением женскости в русском языке)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саратов 2010, с. 10.

⁷ Е.С. Кубрякова, *Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие* // «Известия АН. Серия литературы и языка» 2006, т. 65, № 2, с. 6.

и даже сотни новообразований, так как функционирование словообразовательной системы языка направлено на пополнение лексического состава языка новыми лексемами. Исследование СГ в диахроническом аспекте позволяет проанализировать эволюцию репрезентации языкового концепта.

В данной работе мы рассматриваем СГ, вершина которого — существительное *страх*, являющееся ядерной лексемой, вербализующей представление об одной из важнейших эмоций человека. Эмоциональная языковая картина отражает определенный способ концептуализации действительности и определяется как совокупность эмоциональных представлений, понятий, концептов, при вербализации которых формируются сложные смысловые образования, обладающие определенной структурой. *Страх* является отрицательной базисной эмоцией, вызывающей неприятные чувства и возникающей при оценке ситуации как опасной и вредной, а также при мобилизации всех ресурсов для борьбы с возможными угрожающими обстоятельствами, зачастую парализующими волю человека.

В результате проведенного анализа сочетаемости прямого номинанта эмоционального концепта *страх* мы можем говорить о значимости следующих когнитивных признаков: движение — отсутствие движения, сильная — слабая интенсивность, краткое — длительное проживание страха, жизнь (частичный контроль человека страхом) — смерть (полный контроль человека страхом), способность преодолеть — породить, показать — скрыть, понять страх и избежать его⁸. Указанные признаки так или иначе находят свое отражение во внутренней организации СГ данного существительно-

⁸ И.А. Вотякова, *Концепт «страх» в русском языке* // «Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология» 2014, вып. 4, с. 183.

го, в характере его производных, в их семантическом взаимодействии.

Этимологически слово *страх* связано с русским «строгий» и восходит к и.-е. *(s)terg- : *(s)treg- (ср. о.-с. *strogь): (s)terk (последнее — в рус. торчать), также и на немецкой почве прилагательное strack — «прямой» и глагол strecken — «вытягивать», «делать прямым», восходящие к тому же и.-е. корню, связаны со streng — «строгий», «суровый» (назализованная форма)⁹. Это слово с первоначальным значением «оцепенение» сближается с лит. stregti, stregiu «оцепенеть, превратиться в лед», лтш. strēgele «сосулька» и т.д.¹⁰. Таким образом, изначально в семантике корня, судя по всему, была заложена идея об изменении объекта (растяжение либо оцепенение) в результате физического воздействия, однако в русском языке с течением времени слова с этим корнем стали обозначать состояние человека, возникающее в результате какого-либо воздействия, но не физического, а эмоционального.

Изучение СГ в диахроническом аспекте предполагает обращение к историческим словарям русского языка. В данном исследовании мы проанализировали, какие слова с корнем *-страх-* представлены в *Старославянском словаре*¹¹ (далее ССЛ), *Материалах для словаря древнерусского языка* Измаила И. Срезневского¹² (далее МСДРЯ), *Словаре русского языка XI–XVII вв.*¹³ (далее СРЯ).

⁹ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т.* Москва 1999, т. 2, с. 207.

¹⁰ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/48202/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85>, (27.04.2017).

¹¹ Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой (ред.), *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва 1994, с. 629, 747–748.

¹² И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, Санкт-Петербург 1893, т. 1, с. 77; т. 2, с. 438; т.3, с. 544–547, с. 1284–1285.

¹³ В.Б. Крысько (ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва 2008, вып. 1, с. 173; вып. 11, с. 338; вып. 28, с. 143–150.

Во всех указанных словарях отмечается существительное *страх*, как правило, со значениями 'страх, ужас; угроза; явление, внушающее страх', 'благоговейный страх, трепет'. Таким образом, это существительное издавна обозначает эмоциональное состояние человека, а также явление, которое вызывает это состояние. Страх также мог быть благоговейным (речь идет о почитании Бога и всего, что с ним связано), в таком состоянии человек испытывает не отрицательные, а положительные эмоции. Следовательно, можно отметить, что семантика существительного *страх* претерпела незначительные изменения, а его употребление отражает будущую полисемантическую структуру производных СГ: признак, действие, состояние и т.д.

Деривационные связи между производными одного гнезда, присутствуя в сознании носителя языка, находят свое отражение в избирательном употреблении однокоренных слов, при этом говорящий, как правило, четко осознает принадлежность производного к определенному СГ. Из сказанного следует, что порядок образования производных слов не всегда имеет принципиальное значение, т.к. семантический компонент, свидетельствующий о принадлежности к данному СГ, присутствует в каждой языковой единице, а СГ как комплексная языковая единица отражает структуру национально-культурного представления о мире как о неких стереотипных ситуациях. Гнездо однокоренных слов представляется некой типичной ситуацией, все члены которой взаимосвязаны. В СГ мы можем выделить группу производных со значением лица, действия, признака, объекта, инструмента, места, времени и т.д.

Современное СГ существительного *страх*, по данным словообразовательных словарей, включает 50 производных, однако многие из них являются устаревшими и не употребляются. Учитывая данные частотного словаря, мы сократили количество анализируемых производных,

исключив слова с нулевым индексом частотности, и распределили оставшиеся слова по нескольким группам.

Действие. В данную группу мы включили как производные существительные, так и производные глаголы: производные со словообразовательным значением действия, образованные при помощи суффикса *-ениј- / -ниј-*: *устрашитъ* → *устрашение*; производные со словообразовательным значением «наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным», образованные при помощи суффикса *-и-*: *страх* → *страшитъ*, суффикса *-а-*: *страх* → *страцати*; производные со словообразовательным значением «многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи суффикса *-а-*: *устрашитъ* → *устрашати*; производные с собственно-возвратным значением, образованные при помощи постфикса *-ся*: *страшитъ* → *страшиться*, *устрашитъ* → *устрашиться*; производные со словообразовательным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи префикса *у-*: *страшитъ* → *устрашитъ*.

Рассмотрим, какие единицы данной группы зафиксированы в исторических словарях.

Производные со словообразовательным значением действия, образованные при помощи суффикса *-ениј- / -ниј-*: *страшити* → *страшение* (в современном русском языке является малоупотребительным, раньше имело значения 'устрашение; страх, боязнь, благоговейный страх, благоговение; устрашающее явление; возглас на литургии «со страхом Божиим и верою приступите»'); *устрашити* → *устрашение*; *страцати* → *страцание*; *страховати* → *страхование* (входило в состав СГ существительного *страх* и обозначало состояние страха, угрозу, а также 'болезненное состояние, вызванное испугом, психическое заболевание, выражающееся в состоянии страха; опасность'). Следует отметить отсутствие гла-

года *страховати* в исторических словарях, однако мы не можем исключать, что он когда-то был в русском языке. К данной группе производных относятся и существительные *страшливствие*, *страшильствие* 'боязнь', вышедшие из употребления в связи с «победой» более продуктивного суффикса *-ниј-* и замещением синонимом *боязнь*.

Производные со словообразовательным значением «наделять кого- или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным», образованные при помощи суффикса *-и-*: *страх* → *страшити*, глагол обозначал действие, вызывающее эмоциональное состояние страха и направленное на другой субъект, однако в СРЯ также указано значение действия, направленного на самого себя — 'испытывать страх, бояться'; при помощи суффикса *-а-*: *страх* → *страшати* 'угрожать, устрашать', *страх* → *страцати* 'запугивать, угрожать' — оба глагола являются устаревшими, их в лексической системе заменили синонимы.

Производные со словообразовательным значением «многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи суффикса *-а-*: *страшити* → *страшати* 'угрожать, устрашать', *устрашити* → *устрашати* 'устрашать, внушать ужас, пугать, страшить'. В данном случае выходу из употребления производного первой пары способствовала омонимия с отыменным производным, приведенным в предыдущем пункте, а также возможное совпадение по семантике *страшати* - *устрашати*.

Производные с собственно-возвратным значением, образованные при помощи постфикса *-ся*: *страшити* → *страшиться* 'страшиться, пугаться, бояться, испытывать страх... беспокойство (о психическом расстройстве)', *страшати* → *страшиться* 'испытывать чувство страха, бояться, тревожиться, беспокоиться', *страцати* → *страцаться* 'бояться, опасаться', *устрашити* → *устрашиться*

'испугаться, убояться', *устрашати* → *устрашатися* 'страшиться; благоговеть, почитать'. Этот способ образования является продуктивным и в современном русском языке, поскольку, на наш взгляд, отражает семантическую проекцию на субъект. К производным данной группы можно отнести глагол *страховатися* 'бояться, испытывать чувство страха, беспокойство, волнение, тревожиться', который, по-видимому, был образован от глагола *страховати*, не отмеченного в словарях (см. выше).

Производные со словообразовательным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи префикса *у-*: *страшити* → *устрашити* 'устрашить, ужаснуть, запугать; испугаться, устраситься; подняться (от страха — о волосах)'.

II. Признак, качество. В данную группу мы объединили производные существительные, прилагательные и наречия: производные со словообразовательным значением отвлеченного признака, образованные при помощи суффикса *-иј-*: *бесстрашный* — *бесстрашие*; суффикса *-ость-*: *неустрашимый* → *неустрашимость*; производные со словообразовательным значением признака, относящегося к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, с суффиксом *-н-*: *страх* → *страшный*; производные со словообразовательным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» с суффиксом *-ущ-*: *устрашать* → *устрашающий* (отмечается в *Русской грамматике* как непродуктивный); производные со словообразовательным значением признака по отсутствию чего-либо, образованные при помощи конфикса *не...им*: *устрашить* → *неустрашимый*; производные со словообразовательным значением признака по отсутствию чего-либо, образованные при помощи конфикса *бес...н*: *страх* → *бесстрашный*; производные со значением признак действия, образованные при помощи суффикса *-о*: *страшный* → *страшно*, *бесстрашный* → *бес-*

страшно, страшноватый → *страшновато, неустрашимый* → *неустрашимо*; а также суффикса *-е*: *устрашающий* → *устрашающе*. В этом случае отмечается внутрignetовое словообразовательное взаимодействие, так как производные могут быть образованы с субъективно-оценочным значением на базе наречий: *страшно* → *страшновато*.

Рассмотрим, какие единицы данной группы зафиксированы в исторических словарях.

Производные со словообразовательным значением отвлеченного признака, образованные при помощи суффикса *-иј-*: *бесстрашный* → *бесстрашие (бестрашие)* 'отсутствие страха, бестрашие'; по-видимому, *бесстрахованный* → *бесстрахование* 'бестрашие'; при помощи суффикса *-ств-*: *страшивъ* → *страшивъство* 'боязливость, трусость', *страшьливии* → *страшьливство* 'трусость, боязливость'.

Производные со словообразовательным значением признака, относящегося к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, с суффиксом *-н-*: *страх* → *страшьнъ (страшьнии)*. Прилагательное первоначально имело значения 'страшный, внушающий страх, ужас' и 'внушающий трепет, благоговение' (ССЛ), что обусловлено значениями производящего существительного. С течением времени происходит усложнение семантики этого прилагательного: во-первых, семантическая структура дополняется компонентами 'изумительный', 'чудесный, дивный' (см. МСДРЯ и СРЯ); во-вторых, эмоциональное воздействие переосмысливается в воздействие интенсивное, появляются компоненты 'великий, тяжкий; сильный, жестокий', 'очень сильный по степени проявления чего-л.' (см. МСДРЯ и СРЯ); в-третьих, появляется значение 'боящийся чего-, кого-л', т.е. наблюдается переориентация с субъекта или объекта, которые внушают страх, на субъект, который этот страх испытывает (см. СРЯ).

Производные со словообразовательным значением признака по отсутствию чего-либо, образованные при

помощи конфикса *бес...н*: *страх* → *бесстрашный* (*бесстрашньи*) 'неустрашающийся; не внушающий страха, безопасный; не испытывающий страха, бесстрашный, дерзкий, наглый, бесчинный'; префикса *не*: вероятно, *устрашенный* → *неустрашенный* 'неустрашимый'.

Производные со значением признака действия, образованные при помощи суффикса *-о-* или суффикса *-ѣ-* (*ять*): *страшно* 'с трепетом, с покорностью; грозно, наводя страх; чрезвычайно, очень; панически, в страхе; чудесно, непостижимо; с благоговейным страхом' и *страшнь* 'страшно' (можно заметить, что семантическая структура наречия *страшно* со временем усложнилась, это обусловлено, в свою очередь, усложнением семантики прилагательного *страшньи* (см. выше)); *страховитый* → *страховито* 'со страхом; страшно'; (*страховидный*) → *страховидно* 'страшно', (*страхоприступный*) → *страхоприступно* 'осторожно' (в последних двух случаях производящие прилагательные отсутствуют в словарях). Многочисленность производных, характеризующих действие, показывает важность выражения данного словообразовательного значения.

Производные со значением «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом», образованные при помощи суффикса *-лив-/ив-*: *страшити* → *страшивъ* (*страшивьи*) 'испуганный, боящийся' (ССЛ), 'боязливый; боящийся; уstraшенный; исполненный страха' (МСДРЯ). Можно заметить развитие семантической структуры этого слова: первоначально данное прилагательное обозначало временное состояние человека, который испытывал страх, затем прилагательное начинает характеризовать человека, который постоянно чего-либо или кого-либо боится. Кроме того, в СРЯ указано значение 'внушающий страх', т.е. *страшивьи* — это не только тот, кто сам боится, но и тот, кого боятся. К данной группе также относятся производные *страшливьи* 'боязливый, трусливый', *страхливьи*

‘боязливый, пугливый; вызывающий страх’, *страшнивый* ‘то же, что страшливый’; а также прилагательное *страховитый* ‘вызывающий опасения, опасный; страшный, пугающий своим видом’, образованное при помощи суффикса *-овит-* и в середине XX века имеющее значение ‘страшный, неприятный, уродливый’. Все производные данной группы не употребляются в современном русском языке, что, на наш взгляд, вызвано вытеснением их «универсальным» прилагательным *страшный*.

Производные прилагательные со словообразовательным значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом», образованные при помощи суффикса *-тельн-*: *страшити* → *страшительный* ‘наводящий страх, ужас’; суффикса *-н-*: вероятно, *страховати* → *страхованный* ‘сопряженный с опасностью’.

Производные сложные прилагательные *страшнощитный* ‘внушающий страх своим щитом, имеющий страшный щит’, *страхоносный* ‘вызывающий чувство страха’, *страшливосердый* ‘трусливый, робкий’. В настоящее время основоложение как способ образования новых слов в исследуемом СГ не является продуктивным.

Интенсивность. В эту группу входят производные с субъективно-оценочным значением, образованные при помощи суффикса *-еньк-* (уменьшительно-ласкательное значение): *страшный* → *страшенский*; производные со словообразовательным значением «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством» с суффиксом *-оват-*: *страшный* → *страшноватый*; производные со словообразовательным значением «усиленная степень качества, признака», образованные при помощи суффикса *-н-*: *страшный* → *страшенный*. Подобных образований в исторических словарях нет, что, по-видимому, обусловлено достаточно поздним возникновением механизма деривации данной группы.

Субъект. Данная зона, как правило, не имеет производных в структуре СГ существительных, репрезентирующих эмоциональные концепты. В современном русском языке мы отмечаем производное со словообразовательным значением лица по действию, образованное при помощи суффикса *-лиц-*: *страшить* → *страшилище*. Существительное общего рода *страшилище* употребляется в разговорной речи и просторечии, характеризуется особой экспрессивностью, может обозначать и мужчину, и женщину, а также нечто бесполое и нечеловеческое, только напоминающее живое, — сказочное чудовище, памятник и т.д. В исторических словарях находим существительные *страшило* 'тот, кто (или то, что) вызывает страх, ужас, нечто безобразное, ужасное, пугало; о масках', *страшилище* 'нечто наводящее страх, ужас', от последнего также было образовано прилагательное *страшилищный* 'устрашающий, наводящий ужас', которое в настоящее время имеет нулевой индекс частотности. Любопытно, что раньше в русском языке было и производное *бесстрашникъ* 'тот, кто не имеет страха', вместо которого в современном русском языке используются словосочетания *смелый человек*, *смельчак*, *бесстрашный человек*. В ССЛ зафиксировано также прилагательное *страшное* в знач. суц. 'явление, внушающее страх, ужас', которое в силу своей неопределенности, на наш взгляд, также можно отнести к данной группе.

Таким образом, изначально наиболее важными семантическими зонами СГ существительного *страх* были действие и признак. Категория субъекта не получила должного деривационного развития, реализовавшись в некой неопределенности и подобии человеку. Словообразовательное пространство интенсивности пополнилось производными значительно позже и стало носить универсальный характер, так как способно взаимодействовать со всеми другими зонами. С другой стороны, наш материал показывает целый ряд изменений, об-

условленных процессами, происходящими в семантике слов, а также взаимодействием с производными, входящими в СГ синонимов *испуг, боязнь, угроза* и т.д.

Irina Votyakova, Lilya Kilina

THE FAMILY OF WORDS AS MEANS TO REPRESENT
THE CONCEPT 'FEAR' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary

The family of words is a set of derivatives that are bound up not only due to their structure, but also due to their semantic similarity which makes it possible to consider the family of words as one of the ways to represent any concept as well as to estimate the typology of concepts in future. As time passes various changes occur in the structure of the family of words conditioned by the development of the concept, by the evolution of its linguistic representation and by the linguistic worldview as a whole.

The study of the derivational family of the basic emotional concept '*fear*' implies the reconstruction of the family structure of the word '*fear*' in different periods of the Russian language development. Inherently an action and an attribute were the most important semantic zones of this noun's derivational family. At the same time the category of the subject has not received proper derivational development. It has been implemented within the meaning of some ambiguity and similitude to a person. The word-formation field of intensity was enriched by derivatives much later through interacting with other zones. In general, we note the tendency to reduce the number of members of the derivational family of the noun '*fear*' which is caused by the processes of its semantics alteration as well as by their replacement by the derivatives of its synonyms.